

DOHA

ФРЭНК ГЕРБЕРТ

ДЮНА

КАПИТУЛ ДЮНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г37

Frank Herbert
CHAPTERHOUSE OF DUNE

Перевод с английского *А. Анваера*

Дизайн обложки *В. Лебедевой*

Художник *Д. Андреев*

Печатается с разрешения Herbert Properties LLC
и литературных агентств Trident Media Group LLC и Andrew Nurnberg.

Герберт, Фрэнк.

Г37 Капитул Дюны : [фантастический роман] / Фрэнк Герберт ; [перевод с английского А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2027. — 544 с. : 10 л. ил.

ISBN 978-5-17-186327-2

Досточтимые Матроны уничтожили планету Ракис и почти полностью завоевали Старую Империю. Сестры Ордена Бинэ Гессерит создают новую Дюну на планете Капитул и вырабатывают стратегию, которая позволит им вернуть утраченные позиции. Однако противник не намерен сдаваться: он продолжает наступление и строит свои хитроумные планы...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Herbert Properties LLC, 1985
© Перевод. А. Анваер, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2027

Те, кто желает повторения прошлого, должны преподавать историю.

Кодекс Бинэ Гессерит

Когда младенца-гхола доставили в Капитул из первой, принадлежащей Ордену лаборатории, Верховная Мать Дарви Одраде приказала устроить в честь этого события скромное торжество в столовой, расположенной на крыше Центральной Башни. Было раннее утро, и два других члена Совета — Тамалейн и Беллонда — проявляли нетерпение, хотя завтрак был сервирован личным поваром Одраде.

— Не всякой женщине удается праздновать появление на свет собственного отца, — шутливо заметила Одраде после того, как Тамалейн и Беллонда высказали свое недовольство: им не пристало тратить время на пустяки при их неимоверной занятости.

На шутку вяло отреагировала лишь пожилая Тамалейн. На ее лице появилась кривая усмешка.

Заплывшее жиром лицо Беллонды оставалось бесстрастным, что для этой женщины было равносильно злобной гримасе.

Разве возможно, мысленно удивилась Одраде, чтобы Белл так открыто выражала свое недовольство по поводу относительной роскоши апартаментов Верховной Матери? Конечно, покои несли на себе отпечаток власти, но это была необходимость, отражавшая многочисленные обязанности Верховной, а не возвышение над остальными сестрами. Небольшая столовая позволяла во время еды обсуждать дела вместе с помощниками.

Беллонда демонстративно оглядывалась по сторонам, всем своим видом выражая желание поскорее уйти. Одраде так и не

смогла, несмотря на все усилия, пробить брешь в броне холодного отчуждения, которой окружила себя Беллонда.

— У меня было очень странное чувство, когда я держала младенца на руках и думала: *Это мой отец,* — заговорила Одраде.

— Ты уже говорила это, я слышала, — утробным голосом произнесла в ответ Беллонда. Казалось, каждое слово причиняет ей нестерпимую боль.

Смысл неуклюжих шуток Одраде был, однако, совершенно ясен. Старый баши Майлс Тег действительно был отцом Одраде. Она лично собрала клетки погибшего военачальника (сделала соскоб с ногтей), чтобы вырастить этого нового гхола, эту часть «плана возможности», плана, который удастся воплотить в жизнь, если только им удастся воссоздать у себя лаборатории тлейлаксу. Но Беллонда скорее согласилась бы быть уволенной, нежели поддержала шутки Верховной относительно их последней соломинки.

— Я нахожу это крайне легкомысленным, — заявила Беллонда. — Эти безумные бабы готовы истребить нас, а ты затеваешь какое-то празднество!

Одраде стоило некоторых усилий сохранить благожелательный тон.

— Если Досточтимым Матронам удастся отыскать нас до того, как мы будем готовы к встрече с ними, то отчасти это произойдет из-за нашего низкого морального духа.

Беллонда молча уставилась в глаза Верховной Матери. Во взгляде — безмолвное обвинение: *Эти ужасные женщины уже уничтожили шестнадцать наших планет!*

Одраде могла бы возразить, что эти планеты, строго говоря, нельзя было считать собственностью Бинэ Гессерит. Рыхлая конфедерация планетарных правительств, образовавшаяся после Великого Голода и Рассеяния, конечно, сильно зависела от Бинэ Гессерит, но одновременно продолжали существовать и старые группировки — КАНИКТ, Космическая Гильдия, тлейлаксу, остатки священства Разделенного Бога и даже вспомогательные отряды Говорящих Рыб и клики раскольников. Разделенный Бог оставил в наследство человечеству разделенную империю; и теперь все эти интригующие клики и группы,

оказавшись перед лицом необузданных и страшных Досточтимых Матрон, были вынуждены искать союза. Бинэ Гессерит как организация, в наибольшей степени сохранившая свою исходную структуру, стала, естественно, первым объектом нападения.

Мысли Беллонды практически постоянно были заняты угрозой, исходящей от Досточтимых Матрон. Одраде знала об этой слабости. Иногда Одраде сомневалась, не стоит ли заменить Беллонду, но... интриги поразили и Бинэ Гессерит, и никто не стал бы отрицать, что в этих условиях Беллонда, как никто другой, справлялась с руководством Архивом.

Как это часто бывало, Беллонда, не говоря ни слова, сумела сосредоточить внимание Одраде на охотницах, которые со столь диким упорством преследовали Преподобных Матерей. Мысли эти испортили настроение тихого торжества, на которое сегодня утром так надеялась Верховная Мать.

Усилием воли она заставила себя думать о новом гхола. *Тег!* Если им удастся восстановить его исходную память, то Орден сестер снова получит в свое распоряжение самого лучшего баши, который когда-либо служил Бинэ Гессерит. Баши-ментат! Военный гений, чья доблесть уже стала легендой Старой Империи.

Но сможет ли даже Тег противостоять натиску женщин, вернувшихся из Рассеяния?

О боги, Досточтимые Матроны не должны найти нас! Не теперь!

Новый Тег являл собой непознанные возможности и неизвестность. Тайной была окружена и его смерть во время разрушения Дюны. *Тег сумел сделать на Гамму что-то такое, что возбудило необузданную ярость Досточтимых Матрон. Его самоубийственное поведение на Дюне само по себе не могло превратить Матрон в неистовых берсерков.* О том, что Тег делал на Гамму в последние дни перед прилетом на Дюну, можно было судить только по слухам и отрывочным сведениям. *Он приобрел способность двигаться с необычайно высокой скоростью. За ним невозможно было уследить взглядом!* Как он добился этого? Еще одно проявление диких способностей генов Атрейдесов? Мутация? Или это еще один миф о Теге? Орден должен выяснить это как можно скорее, время не ждет.

Послушница принесла завтрак, и сестры торопливо принялись за еду, стараясь побыстрее прекратить это пустое время-препровождение ввиду грозящей опасности.

Сестры давно покинули столовую, но Одраде никак не могла отделаться от потрясения, вызванного безмолвным страхом Беллонды.

И моим страхом тоже.

Она поднялась и подошла к широкому окну, из которого открывался вид на крыши низких домов, сады и пастбища, окружавшие Центральную Башню. Начало лета, а на ветвях уже начали созревать плоды. *Возрождение. Сегодня родился новый Тег!* При этой мысли Одраде не испытала никакого душевного подъема. Обычно вид на город успокаивал ее, но сегодня спокойствия не было и в помине.

Какова моя реальная сила? Кто меня поддерживает?

Ресурсы Верховной Матери были поистине неисчерпаемыми: верность тех, кто служил ей, военная сила, руководимая баши — учеником Тега (он сейчас был далеко, охраняя планету-школу Лампадас), ремесленники и инженеры, шпионы и агенты, работающие во всех уголках Старой Империи, бесчисленные работники, с надеждой взиравшие на Преподобных Матерей как на единственную защиту от Досточтимых Матрон, и все Преподобные Матери, владеющие Чужой Памятью, восходящей к доисторическим временам.

Без ложной гордости Одраде могла признаться себе, что находится на пике формы Верховной Матери, ее могущества. Если ее собственной памяти не хватало, то она всегда могла прибегнуть к помощи других сестер, чтобы восполнить пробел. Были и машинные хранилища информации, но Одраде, повинуясь какому-то врожденному чувству, не доверяла технике.

Одраде едва не поддалась искушению погрузиться в море чужой вторичной памяти — в эти подземные пласты сознания. Может быть, там ей удастся найти блестящее решение. Нет, это чересчур опасно! Можно потерять себя, очаровавшись множеством возможных вариантов — сколько людей, столько и мнений... И какие это люди! Нет, Чужую Память надо оставить в покое, пусть она ждет своего часа. К ней стоит обратиться только в случае крайней необходимости.

Ясное сознание — это точка опоры и основа самостоятельности.

Здесь Одраде очень помогла странная метафора ментата Дункана Айдахо.

Самосознание: это то же самое, что смотреться в зеркала, движущиеся сквозь Вселенную и вбирающие по пути все новые и новые изображения — бесконечная рефлексия. Бесконечное при таком взгляде представляется конечным. Вот прямой аналог сознания, которое по кусочкам собирает образ бесконечности.

Никогда еще Одраде так явственно не слышала слов в своем безмолвном сознании.

«Специализированная сложность, — называл это состояние Дункан Айдахо. — Мы собираем, складываем и отражаем наши системы в некий порядок».

Да, это было отражением взгляда Бинэ Гессерит на человека как на существо, призванное эволюцией творить порядок.

Но как такой взгляд может помочь нашей борьбе с женщинами, которые, не признавая никакого порядка, ополчились на нас? К какой ветви эволюции принадлежат они? Неужели эволюция — это только иное наименование Бога?

Как посмеялись бы над ней сестры, узнай они о ее мыслях. Они назвали бы это «бесплодными спекуляциями».

Однако в Чужой Памяти *можно* найти ответ.

Ах, как соблазнительно!

Какое это было отчаянное желание: отбросить свое загнанное в ловушку сознание в далекое прошлое, ощутить всем существом жизнь в те далекие времена. От осознания опасности такой приманки холод пробежал по спине Одраде. Она явственно увидела столпившиеся на периферии сознания тени давно умерших людей. *«Это было так!» «Нет, скорее это было так!»* Как жадно стремятся они утвердить свое первенство. Остается только тщательно и осмотрительно выбрать то, что нужно. И разве это не цель сознания, да и всей жизни вообще — выбрать из прошлого то, что нужно выбрать?

Выбирай дела прошлого и сопоставляй их с делами нынешними: изучай следствия.

Таков был взгляд Бинэ Гессерит на историю. Квинтэссенцией деятельности Ордена были слова Сантаяны, сказанные

в незапамятные времена: «Тот, кто не помнит прошлого, обречен на его повторение».

Архитектура Центральных зданий, самых внушительных из всех строений Бинэ Гессерит, служила воплощением этого принципа. Утилитарность — вот главная концепция. В рабочих центрах Ордена было мало нефункционального, вызывающего ностальгию. Археологи были не нужны ему. Преподобные Матери сами были воплощением истории.

Постепенно (намного медленнее, чем обычно) вид, открывающийся из окна, возымел свое успокаивающее действие. Взгляду Одраде открывался вид нерушимого порядка Бинэ Гессерит.

Однако Досточтимые Матроны могут разрушить этот порядок в мгновение ока. Положение Ордена сестер было сейчас намного тяжелее, чем во времена правления Тирана. От безвыходности Одраде приходилось скрепя сердце принимать одиозные решения. Порядок рабочего кабинета не успокаивал, слишком страшными были вынужденные действия Верховной Матери.

Списывать ли наше Убежище Бинэ Гессерит на Пальме?

Такое предложение содержалось в докладе Беллонды, который с утра лежал на письменном столе Одраде. Сам вопрос заключал в себе ответ: *«Да»*.

Списать, потому что нападение Досточтимых Матрон неминуемо, а мы не сможем ни защитить, ни эвакуировать сестер.

Только тысяча Преподобных Матерей и Бог знали, сколько учениц, послушниц и других людей будут обречены на смерть или что-то худшее одним этим словом: *списать*. При этом не учитывались «простые души», жившие в тени под защитой Бинэ Гессерит.

Одраде почувствовала свинцовую усталость. Усталость духа? Но существует ли такая категория: душа? Одраде была утомлена, но не могла полностью осознать корни своего утомления. Она просто устала, устала, устала...

Признаки этой усталости были заметны даже в Беллонде, а ведь Белл буквально упивается силовыми решениями. Одна только Тамалейн сохраняла невозмутимое спокойствие, которое, впрочем, не могло обмануть Одраде. Там вступила в тот возраст, когда способность к бесстрастному наблюдению доми-

нирует над остальными чувствами и способностями. Такими становятся все сестры, если доживают. Превыше всего наблюдение и суждение. Чувства в лучшем случае отражаются мимолетными, едва заметными гримасами морщинистого лица. Ее комментарии на тему были настолько краткими, что порой выглядели просто нелепыми.

«Купить больше кораблей-невидимок».

«Снестись с Шианой».

«Просмотреть записи Айдахо».

«Спросить Мурбеллу».

Иногда Тамалейн просто хмыкала, словно боялась, что слова смогут выдать ее.

Однако, как бы то ни было, в космосе постоянно рыскали неумолимые охотники, страстно желавшие одного: найти и уничтожить Капитул Ордена Бинэ Гессерит.

Одраде часто представляла, как Досточтимые Матроны, словно древние корсары, бороздят на своих кораблях-невидимках просторы бескрайних космических морей. Они рыскали по ним без черного флага с черепом и скрещенными костями, но дело было не в атрибутике. В этих пиратах не было ничего романтического. *Убийство и разбой! Строй свое благополучие на чужой крови. Иссушить силы своих жертв и продолжать путь по колее, обильно смазанной кровью.*

Матрон не заботило то, что, продолжая свой пагубный бег, они неминуемо захлебнутся пролитой ими кровью.

Должно быть, в Рассеянии господствовали яростные и ожесточенные люди, когда зародилось движение Досточтимых Матрон. То были люди, руководствующиеся только одной мыслью: «Взять их!»

Как опасен тот мир, в котором подобные идеи распространяются, не зная узды. В развитых цивилизациях власть заботится о том, чтобы такие идеи оставались бессильными или не зарождались вовсе. Если же такая идея зарождается по умыслу или случайно, ее надо немедленно давить, ибо она без труда овладевает сознанием черни.

Одраде не переставала удивляться тому, что Досточтимые Матроны не видят опасности, а если видят, то предпочитают ее игнорировать.

— Совершеннейшие истерички, — пожимая плечами, говорила Тамалейн.

— Это ксенофобия, — не соглашалась Беллонда. Она вообще вела себя так, словно заведование Архивом укрепляло ее понимание действительности.

Обе они правы, думала Одраде. Досточтимые Матроны действительно вели себя словно взбесившиеся, сорвавшиеся с цепи истерички. Врагами были все *чужаки*. Единственными людьми, которым доверяли, и то в известных пределах, Матроны, были мужчины, которых они брали в сексуальный плен. Этих мужчин постоянно тестировали (для этого, по словам Мурбеллы, существовала должность Соблазняющей Досточтимой Матроны), чтобы удостовериться, что хватка не ослабла.

— Иногда их убивают без всякой причины, просто в назидание другим. — Эти слова Мурбеллы сразу вызывали вопрос: *«Не хотят ли они уничтожить нас тоже в назидание другим? Смотрите, что бывает с теми, кто осмеливается выступить против нас!»*

Мурбелла ответила на этот вопрос:

— Вы возбудили их. Будучи же возбужденными, они не остановятся ни перед чем, пока не уничтожат вас.

Бей чужаков!

Узколобая целеустремленность. *Этой слабостью можно, при правильном поведении, воспользоваться,* подумала Одраде.

Ксенофобия, доведенная до абсурдной крайности?

Вполне возможно.

Одраде стукнула кулаком по столу, вполне сознавая, что это не укроется от глаз сестер, которые наблюдали за каждым шагом и действием Верховной Матери, тщательно регистрируя увиденное. Выждав, она громко, так, чтобы все соглядатаи услышали, произнесла:

— Мы не будем отсиживаться в крепостях! Мы и так ожирели, как Беллонда (пусть она сдохнет от злости!), воображая, что создали неприкосновенное общество и его вечную структуру.

Одраде обвела взглядом знакомый до мелочей кабинет.

— В этом заключается наша слабость!

Она уселась за стол и принялась обдумывать (словно не было вещи важнее!) архитектуру и планировку поселений. Да, это прерогатива Верховной Матери!

Поселения Бинэ Гессерит редко росли стихийно. Даже когда Ордену доставались готовые постройки (как это было, например, с владениями Харконненов на Гамму), Сестры немедленно приступали к реконструкции. Нужна была пневматическая почта для пересылки сообщений и бандеролей. Нужны были световоды и проекторы для передачи шифрованных сообщений. Сестры вообще считали себя непревзойденными мастерами в передаче секретной информации. Самые важные сообщения такого рода передавали курьеры послушницы и Преподобные Матери, которые были готовы скорее умереть, чем предать своих руководителей.

Своим внутренним взором Одраде видела все эту великолепную организацию здесь и на других планетах — ее сеть, ее паутина, великолепно организованная, спланированная и укомплектованная надежными кадрами. Каждый член Бинэ Гессерит был продолжением другого. Когда дело касалось выживания Ордена, практически все сестры проявляли чудеса верности и самопожертвования. Бывали и отступницы, например леди Джессика, бабка Тирана, но их отступничество было не слишком сильным. Отступления заблудших были временными и преходящими.

Таково было устройство Бинэ Гессерит. И в нем заключалась его главная слабость.

Одраде чувствовала, что в глубине души разделяет страхи Беллонды. *Но будь я проклята, если позволю им подавить всю радость бытия!* Это будет как раз то, чего так неистово добиваются эти преступные Досточтимые Матроны.

— Охотники хотят отнять у нас силу, — произнесла Одраде, глядя в глазок видеокамеры на потолке. *Подобно древним дикарям, они хотят съесть сердце врага. Ну... ну что ж, мы дадим им кое-что съесть! Будет слишком поздно, когда они поймут, что не могут переварить это лакомство!*

Преподобные Матери в редких случаях, если не считать уроков для послушниц и учениц, использовали в своей речи нраво-

учения и иносказания. Но на этот раз Одраде отклонилась от обычного правила.

Кто-то должен начать пахоту. Она улыбнулась, работа действовала на нее освежающе. Этот кабинет, Орден сестер — вот ее сад, который надо возделывать, здесь плевелы, которые надо отделить, здесь семена, которые надо сеять. *И удобрения, никогда не следует забывать об удобрениях.*

Когда я поставил себе задачу повести людей по Золотому Пути, то поклялся, что этот урок проникнет в их сознание. Я знаю сущность людей, которую они отрицают на словах, но подтверждают своими поступками. Они утверждают, что ищут спокойствия и надежности, того, что они именуют миром. Но даже произнося эти слова, они не перестают сеять семена раздора и насилия.

Лето II, Бог-Император

Она называет меня Паучьей Королевой!

Великая Досточтимая Матрона откинулась на спинку стоявшего на высоком помосте тяжелого трона. Ее высохшая грудь затряслась от беззвучного смеха. *Она хорошо знает, что с ней станет, попади она в мои руки. Я выпью всю ее кровь, превращу в мумию, вот что я сделаю.*

Миниатюрная женщина с непримечательным лицом, исказившимся от подергивания мимических мышц, Великая Матрона наклонилась вперед и взглянула на залитый солнечным светом пол Аудиенц-зала, выложенный желтой плиткой. На этом полу, распростершись, лежала Преподобная Мать Бинэ Гессерит, связанная шигой. Пленница не делала никаких попыток освободиться от пут. Проволока из шиги — великолепное средство усмирения непокорных. *Она отрежет ей руку, если только ведьма шевельнется!*

Зал, в котором сидела на троне Великая Досточтимая Матрона, нравился ей по двум причинам: во-первых, он был велик, а во-вторых, был силой отнят у других. Зал площадью триста квадратных метров первоначально предназначался для собра-

ний навигаторов Гильдии, причем каждый навигатор прибывал сюда, на Джанкшн, в огромной железной машине. Пленница на полу казалась пылинкой, затерянной в огромном поле.

Эта слабачка и так получила много удовольствия от того, что слышала, как ее так называемая Верховная Мать называла меня!

Но сегодняшнее утро было все же прекрасным, несмотря ни на что, подумала Великая Досточтимая Матрона. Настроение портилось только от того, что с этой ведьмой оказались бессильными все пытки и психологические зонды. Как можно пытать человека, который в любой момент может умереть по собственному желанию? И они делали это! Были у этих ведьм и способы подавлять чувство боли. Они очень хитры, эти примитивные создания.

И еще она просто напичкана широм! Это проклятое снадобье делает человека недоступным для психологического зондирования.

Великая Досточтимая Матрона подала знак помощнице. Та перевернула ногой распростертое тело и несколько ослабила путы. Теперь пленница могла немного пошевелиться.

— Как тебя зовут, дитя? — спросила Великая Досточтимая Матрона хриплым от старости и притворного добродушия голосом.

— Мое имя Сабанда. — Голос звонкий и чистый, несмотря на страшную боль психологического зондирования.

— Хочешь посмотреть, как мы поймаем слабого мужчину и пленим его? — спросила Великая Досточтимая Матрона.

Сабанда знала, как отвечать на этот вопрос, ее предупреждали об этом.

— Я скорее умру, чем соглашусь. — Она произнесла это совершенно спокойно, невозмутимо взглянув в старое лицо, похожее цветом на высушенный корень, слишком долго пролежавший на жарком солнце. В глазах старухи появились странные рыжие блики. Это признак гнева, говорили прокторы.

Свободная, красная с золотом накидка, украшенная черным драконом, и красное трико под ней лишь подчеркивали костлявую, сухопарую фигуру.